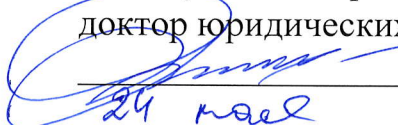

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В
ГЭК

Заведующий кафедрой теоретических
и публично-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Винниченко
24 мая 2023 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА «САМОДЕРЖАВИЕ» В РОССИИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Магистр права»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Ларионов Алексей Сергеевич

Научный руководитель
доктор юридических наук,
профессор

Винниченко Олег Юрьевич

Рецензент
адвокат Тюменского областного
филиала Коллегии адвокатов
Ленинградской области
«Северный Стандарт»

Зайнеева Татьяна Владимировна

Тюмень
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛЕГИТИМАЦИЯ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРЯ.....	12
1.1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ И ПОДХОДЫ К ЕЁ ЛЕГИТИМАЦИИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННОКОВ	12
1.2. МОДЕЛЬ САМОДЕРЖАВНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК.....	25
ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	40
2.1. ВНЕПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР САМОДЕРЖАВНОГО ВЛАСТВОВАНИЯ.....	40
2.2. САМОДЕРЖЕЦ КАК КЛЮЧЕВОЙ АКТОР СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	59

ВВЕДЕНИЕ

События 2022–2023 годов обнажили цивилизационное своеобразие России и вернули к жизни разговор о специфических чертах российской цивилизации. Коллективный запад обвиняет российские власти в тоталитаризме или авторитаризме, в отсутствии демократических тенденций и настаивает на изменении нашей модели властвования. Однако запрос самого российского общества обратный: всё чаще звучит запрос на сильную руку, возвращение сильных, авторитарных лидеров (призывы «вернуть Сталина») и «наведение порядка». В этом смысле игнорирование психологической потребности граждан, а также их запроса на сильную власть, укорененного глубоко в правосознании, более является невозможным. Именно поэтому важно осмыслить специфику государственно-правовой эволюции в России и выработать собственный, самобытный подход к конструированию государства и права, опирающийся на ментальные основания власти.

Архитектура публичных институтов и право, будучи социально-культурными феноменами, непосредственно связаны с цивилизационными особенностями государства. Не существует универсальных моделей развития общества и государства, как не существует и универсально-допустимого и применимого права. Все эти явления проистекают из социального контекста и опираются на те ментальные, экономические и исторические условия, в которых воспроизводятся.

Дискуссия о самобытности России вернулась к жизни ранее – в 2020 году, в период обсуждения поправок к Конституции Российской Федерации. В результате Конституция была дополнена в том числе ч. 2 ст. 67.1, отсылающей к тысячелетней истории России и постулирующей преемственность в развитии российской государственности [Конституция РФ, ст. 67.1]. Эта поправка стала одним из первых решительных шагов к юридическому закреплению традиционных ценностей и обращения к истокам, основам, смыслообразующим принципам отечественного уклада.

Подобные размышления отражены в документах стратегического планирования. Так, в обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года №400) [Об утверждении Стратегии...] отдельный раздел посвящен защите традиционных ценностей, которые понимаются как «базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории» [Об утверждении стратеги...], как «основу российского общества, позволяющую сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации...» [Об утверждении стратеги...]. Само понятие традиционных национальных ценностей, их перечень, а также организационные и правовые инструменты их защиты содержатся в относительно новом Указе Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Об утверждении Основ...]. Названные документы на государственном уровне фиксируют необходимость выстраивания политики на основании традиций, первооснов отечественной культуры.

Наконец, поле публичной коммуникации также наполнено размышлениями о сущности и основаниях российской цивилизации. Президент Российской Федерации активно высказался, например, о цивилизационном выборе (в речи 21 февраля 2022 года) [Обращение Президента Российской Федерации...], об уникальной и самобытной российской цивилизации (в выступлении в честь 1160-летия образования российской государственности) [Выступление Президента Российской Федерации...]. Новости, социальные медиа, бытовые разговоры наполнены подобным содержанием. Поиски национальной идентичности, основ культурного кода россиян, вышли на первый план.

В этом смысле для развития системы государственного управления России и принятия ключевых управленческих решений как на уровне всего государства, так и на местах, требуется четко понимать ключевые устоявшиеся принципы, на которых строится российское государство. Осмысление специфики

российской государственности поможет понять векторы дальнейших трансформаций, заложить ориентиры для социального, экономического развития, поскольку в России государство является ведущим институтом общества и задает темп и ритм всем процессам.

Запрос отнюдь не праздный: такая характеристика требуется для имплементации в процессы развития российского общества. Ещё в начале XX века отечественный юрист Н.А. Захаров писал, что для эффективного функционирования государственной власти в России следует «скроить перчатку юридических концепций по русской руке» [Захаров, с. 12], то есть осмыслить собственные практики властвования и построить государственную систему на их основе. Между тем, как пишет Н.А. Захаров, чаще всего юристы пытаются трансформировать российское государство по западным лекалам, которые далеко не всегда соответствуют историческому развитию [Захаров, с. 9]. К подобным выводам власти приходят и сегодня, обращаясь к поиску первооснов российской культуры в нормативных актах, документах стратегического планирования и в публичной коммуникации.

Сегодня как никогда российское государство стоит перед вызовом невероятной глубины, от адекватного ответа на который зависит не просто будущее, но сам факт существования цивилизации данного типа.

В этой связи представляется необходимым обратиться к истокам российской модели управления и рассмотреть процессы развития российского самодержавия как социокультурного феномена.

Государственно-правовые исследования сегодня содержат ключевую проблему, о которой давно пишут И.Л. Честнов, О.Ю. Винниченко, Ф. Фельдбрюгге: это проблема отсутствия человека в таких исследованиях, отсутствия его как субъекта политико-правовой жизни. Как правило, исследования государства и права строятся вокруг формально-юридического исследования норм либо рассмотрения архитектуры государственной власти. Безусловно, без материального права невозможно существование права как системы нормативных предписаний, а исследования его содержания являются

важной и необходимой частью юридической науки. Между тем, право и государство, будучи социоконтекстуальными феноменами, не возникают из ниоткуда, а тесно связаны с широкими социальными и политическими контекстами. Поэтому замыкание на позитивистском подходе при исследованиях государства и права не является верным. В этом смысле актуальной задачей видится вернуть в юридическую науку широту рассмотрения государственно-правовых вопросов, междисциплинарность, а также вернуть человека в центр исследований политической и правовой жизни.

Подобных недостатков не лишены и современные исследования самодержавия. Условно можно выделить три ключевых периода осмысления этого феномена: дореволюционный, советский и современный (который распадается ещё на два: до середины 2000-ных и после).

Дореволюционные ученые, такие как: В.Н. Лешков, Л.А. Тихомиров, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Захаров предлагали самобытные и оригинальные теории государственной власти, не оглядываясь на попытки следовать зарубежным образцам и «правильным» формам. Так, В.Н. Лешков рассматривал Россию через призму общинности, Л.А. Тихомиров разработал уникальную концепцию властного принципа, В.И. Сергеевич и М.Ф. Владимирский-Буданов глубоко уловили суть русского права, а Н.А. Захаров предложил собственное глубинное исследование, обосновывающее самобытность государственной власти в России. Между тем, все указанные исследования достаточно разнонаправлены, неоднородны и подчас слишком оригинальны. К их однозначным достоинствам следует отнести внимание к фактическому положению дел и к исследованию родного государства таким, какое оно есть.

В советский период история государства и права сконцентрировалась на собственно-исторических исследованиях, направленных на поиск, введение в научный оборот и осмысление новых источников. Диалектико-материалистическая доктрина не позволяла выходить на уровень абстракций и заниматься интерпретацией процессов государственно-правового развития.

Кроме того, в государственной идеологии уже присутствовали готовые ответы на вопросы мироустройства и сущности государственной власти. Поэтому исследования Д.Н. Альшица, В.Б. Кобрин, Р.Г. Скрынникова скорее носят конкретно-исторический характер и не дают объяснительных моделей или подходов к осмыслению сути российского государства.

Наконец, современные российские исследования либо, как у А.Л. Янова, направлены на обоснование неверности государственного курса, европейского характера российской цивилизации, либо, как у Н.Ф. Медушевой, охватывают широкий круг вопросов правосознания, оставляя на заднем плане вопросы ментальных оснований государственной власти (не только права), либо, как у А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко представляют собой глубокий политико-социальный анализ, почти лишенный правовой составляющей.

В этой связи на научной арене сегодня отсутствуют исследования, которые продолжали бы дореволюционную традицию бережного исследования собственного прошлого и настоящего, охватывали бы своим анализом широкий социокультурный контекст, объясняли специфические ментальные особенности российского государства как в правовом контуре, так и за его пределами, при этом не превращаясь в формально-юридическое или конкретно-историческое исследование.

Реальность диктует запрос на такое исследование, которое позволило бы сконструировать новую теорию российской государственности так, чтобы она не являлась калькой или заимствованием с зарубежных образцов, а основывалась на понимании глубинных процессов развития отечественной истории и психологии народа.

Цель исследования – установить причины возникновения, способы инсталляции в общественном сознании, специфические идеологические и государственно-правовые черты самодержавия в России XV–XVI веков.

Задачи:

1. Сформулировать набор способов легитимации самодержавной власти в рассматриваемый период;

2. Выявить устойчивые сущностные черты самодержавной власти, определяющие её характер как в исследуемый период, так и за его пределами;
3. Определить соотношение права и самодержавной власти;
4. Установить характер отношений между царем-самодержцем и иными субъектами государственно-правового развития России (Боярская Дума, Земские Соборы).

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с зарождением и развитием феномена «самодержавие» в российской правовой действительности конца XV–XVI веков.

Предмет исследования – совокупность правовых норм, исторических документов, литературных, правовых и религиозных памятников, социальных отношений, теоретических воззрений, связанных с объектом исследования.

Хронологические рамки исследования представлены периодом с конца XV до конца XVI века. Именно этот период в историографии принято считать началом самодержавия на Руси. В качестве отправной точки выбрана победа над Ордой в рамках стояния на р. Угре (1480 год), породившая необходимость в обосновании власти московского государя. Завершающей рамкой выбрана смерть Ивана Грозного (1584 год), как момент наивысшей концентрации власти в руках монарха, а также последний период устойчивости государства перед смутным временем.

Методология исследования основывается на социокультурной антропологии права, гласящей, что государство и право являются социоконтекстуальными феноменами, то есть глубоко связаны с культурными и социальными контекстами эпохи [Честнов, с. 57]. В этом смысле в работе не применяются стандартные позитивистские методы исследования права. Вместо этого широко рассматривается политический, социальный, идеологический климат эпохи, а также собственно исторические процессы формирования и развития феномена «самодержавие».

Исследование осуществляется с применением нескольких теоретических и эмпирических рамок. Во-первых, самодержавие рассматривается как идея,

и решается задача анализа этой идеи в текстах современников и потомков. Во-вторых, рассматривается правовое закрепление и обоснование самодержавной власти. Наконец, идея рассматривается и в контексте её реального осуществления и имплементации в социальную практику.

Иными словами, работа посвящена рассмотрению монархического идеала государственного строительства как сквозного социокультурного феномена правового сознания России. Кроме того, работа с точки зрения методологии и принимаемых во внимание источников является междисциплинарной и отвечает на запрос науки истории государства и права в проведении междисциплинарных исследований. Такой запрос, например, был озвучен на Форуме историков государства и права, прошедшем в г. Санкт-Петербург в июне 2023 года.

В исследовании применяются как общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, так и методы истории и теории государства права: исторический метод, функциональный, формально-логический методы.

Эмпирическая база исследования представлена аутентичными источниками XV–XVI века: публицистическими (челобитные Ивана Пересветова, переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского), религиозными (послание Вассиана Рыло на р. Угру, труды Филофея, труды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого) и правовыми (Судебники 1497 и 1550 годов, Стоглав). Теоретическая база исследования представлена трудами выдающихся историков, правоведов, а также зарубежных авторов, исследующих историю российского государства и права.

Теоретическая значимость состоит в предложенной авторской концепции легитимации самодержавного властвования, а также в выделении собственного набора устойчивых свойств самодержавия, в том числе через его соотношение с правом и иными государственными органами.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать её выводы как для государственного-правового развития России (в части определения приоритетных направлений, а также допустимых форм

организации государственной власти), так и для разьяснения самобытной сущности российского государства в учебных, просветительских и воспитательных целях.

Исследование в рамках темы может быть продолжено. В частности, в диссертации неоднократно упоминаются непроясненные пересечения доктрины самодержавия с религиозными воззрениями и постулируется возможность разработки отечественной политической теологии. Кроме того, в качестве одного из инструментов легитимации власти заявлено конструирование политических мифов, содержание и влияние которых на государственно-правовое развитие России также возможно исследовать.

Диссертация состоит из оглавления, введения, двух глав, заключения и списка источников. В первой главе рассматриваются способы легитимации власти российского государя через аутентичные источники эпохи, а также рассмотрение доктрины в динамике развития идей о самодержавии. Во второй главе рассматриваются вопросы соотношения самодержавия и права, а также царя-самодержца и иных центров принятия решений.

Положения, выносимые на защиту:

1. На основе анализа аутентичных документов установлено, что генезис феномена «самодержавие» являлся ответом на глубинную психологическую потребность населения в сильной центральной власти и способом разрешения кризиса легитимации власти после освобождения от Орды;

2. По результатам анализа публицистических источников эпохи и научной доктрины выявлены основные способы легитимации самодержавной власти в XV–XVI веках: конструирование политических мифов, апелляция к авторитету (в первую очередь, византийскому), использование церковной идеологии и религиозных доктрин, достижение внутриэлитного консенсуса (наименее эффективный и используемый способ), метод силы;

3. Путем анализа социальной структуры и характера источников установлено, что существовал разрыв между государственной идеологией, транслируемой через письменные источники в основном в аристократические круги населения, и легитимацией власти в глазах широких масс населения (которой занималась преимущественно церковь);

4. По итогам рассмотрения процесса развития научной доктрины о самодержавии выявлены ключевые сущностные черты российского самодержавия: его этикоцентричный, религиозный характер, связанный, с одной стороны, с наличием высокого морального долга, а с другой – с легитимацией власти через получение её от Бога; предельная суверенность самодержавной власти, позволявшая создавать, приостанавливать и упразднять правовые порядки, и имеющая в некотором роде биополитический характер (власть над жизнью и смертью); глубокий психологизм и связь с внутренними потребностями россиян;

5. На основе анализа правовых источников доказано, что в рассматриваемый период вопрос легализации власти не являлся приоритетным. Власть осуществлялась на основе обычаев и являлась в первую очередь инициатором правовых предписаний, а не её субъектом. Между тем, единственным источником предписаний, которые государь был готов выполнять, являлись канонические требования церкви. Это можно объяснить частным проявлением религиозного и этикоцентричного характера самодержавия;

6. По результатам анализа соотношения царя и органов государственной власти установлено, что к концу XVI века царь являлся ключевым действующим лицом политики и государственного развития. Иные органы (такие, как боярская Дума или Земские Соборы) выполняли лишь вспомогательную функцию, не влияя на сущность центральной власти.

ГЛАВА 1. ЛЕГИТИМАЦИЯ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРЯ

1.1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ И ПОДХОДЫ К ЕЁ ЛЕГИТИМАЦИИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Во второй половине XV века Русь начинает освобождаться от владычества Золотой Орды. Этот несомненно положительный процесс порождал и ряд вопросов, в том числе касающихся государственной власти. На место установленного и привычного порядка определения первенства князей и легитимации центральной власти требовалось инсталлировать новый, обоснованный и понятный, не вызывающий конфликтов и разночтений. И здесь на исторической сцене появляется самодержавие как оригинальная и самобытная модель властвования.

Настоящий параграф посвящен рассмотрению зарождения и развития идеи самодержавного властвования в России. Будут рассмотрены аутентичные источники, приписываемые современникам эпохи, а также историография этих источников. Такой археологический анализ идеи позволит установить основные смыслы, которые закладывались в присвоение государю титула «самодержец», а также способы объяснения легитимности царской власти.

Безусловно, следует принять во внимание субъективный характер любых исторических источников, а также риски изменений, приписок в текстах документов. Так, Д.Н. Альшиц указывает на выдуманный во времена Ивана Грозного и вписанный в «Степенную книгу» поход Всеволода на половцев [Начало самодержавия на Руси, с. 201], на редактирование «Слова о полку Игореве» в угоду выделения одной ветви княжеского дома против иных [там же, с. 210]. Кроме того, любой летописец традиционно подвергался редактированию в угоду того, кто являлся его заказчиком или патроном. Между тем, фиксация и осмысление таких изменений, их причин и сути, могут обогатить исследовательский материал. Субъективность неизбежно влияла

на публичный дискурс, а значит, и на общественное сознание, она в том числе конструировала правовую ментальность.

По тем же причинам аргумент, укладывающийся в ироничное выражение «Россия – страна фасадов» [Кореневский, с. 10] (в том смысле, что написанное далеко не всегда отражает реальное положение дел на масштабе всей страны) может быть преодолен. Учитывая, что история представляет собой «слепок» эпохи, фасад – это часть массового сознания, вводимая в него теми или иными способами. В конечном счете именно такие фасады, то есть ментальные модели, рациональные воззрения и эмоциональные оценки, а также причины их появления и способы их нормализации в правосознании представляют наибольший интерес с учетом целей и задач настоящего исследования.

Таким образом, с методологической точки зрения исследование аутентичных источников не будет затруднено исправлениями, приписками, а также расхождениями с реальностью, поскольку наибольший интерес представляют ментальные модели, которые ярко проявляют себя и через изменения источников. При этом важно обращать внимание и на фиксацию приписок, осмысление их содержания и причин.

В рамках данного параграфа будут рассмотрены ключевые документы периода конца XV–XVI веков, имеющих отношение к идеологическим основам обоснования самодержавной власти. К таким документам относятся: сочинения архиепископа Вассиана Рыло, труды Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, послания Филофея, творчество Ивана Пересветова, а также переписка между Иваном Грозным и Андреем Курбским. Выбор именно этих документов обоснован двумя причинами. Во-первых, каждый из них отзывается на общественно-политическую реальность своего времени и имеет отношение к актуальным историческим событиям. Во-вторых, все они наполнены идеологическим содержанием и несут определенный заряд, в том числе касающийся обоснования действующей власти (или попыток её оспорить).

Перейдем к рассмотрению первого документа – Послания на р. Угру архиепископа Вассиана Рыло, датированного 1480 годом. Особая ценность этого

документа состоит в том, что он был создан в переломный для российского государства момент освобождения от татаро-монгольского ига.

Как отмечает американский историк Майкл Чернявский, во время написания этого документа Вассиан стоял перед сложной идеологической задачей: в случае победы требовалось определить и обосновать характер власти российского государя, поскольку старая модель легитимации через ярлыки от великих ханов оказывалась устаревшей и неактуальной [The Structure of Russian History..., p. 72]. Действительно, фактически находящийся в подчиненном положении великий князь Иван III вышел в прямой конфликт со своим сувереном, ханом Ахматом, чтобы спорить за первенство. Победа означает смену статуса великого князя, при которой он либо становится новым ханом, либо приобретает иной публичный статус, наименование и содержание которого не было определено, теряя при этом великокняжеское достоинство (поскольку юридическая сила и политическое содержание великокняжеского ярлыка, полученного от Орды, в этот момент аннулируется).

Ещё одна идеологическая задача, которую стремится разрешить Вассиан, - риск клятвопреступления. Великий князь получил свои полномочия в обмен на подчинение Орде, но теперь выступает против неё, нарушая ранее установленную договоренность. Кроме того, что это не соответствует имиджу государя, такое поведение нарушает основные положения православной веры. Обратимся к анализу текста послания, чтобы уследить, каким образом Вассиан разрешает обе проблемы.

Обоснование новой власти Ивана III строится на трех ключевых аспектах текста: во-первых, Вассиан по-разному называет его в начале и в конце текста, во-вторых, проводит четкое разграничение между христианскими властителями и ханами орды, в-третьих, напрямую описывает, какую власть получит великий князь в случае победы.

Вассиан так обращается к царю: «Благоверному и христоролюбивому, благородному и Богом венчанному, Богом утвержденному, в благочестии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему

и преславному государю нашему всея Руси великому князю Ивану Васильевичу, богомолец твой, господин, архиепископ Вассиан ростовский шлет благословение и челом бьет» [Библиотека литературы Древней Руси. Том 7, с. 387]. Несмотря на неоднократное упоминание царского достоинства адресата, автор называет его действительным титулом: великий князь Всея Руси. Примечательно, что себя Вассиан называет не только в качестве архиепископа и богомольца, но и господина. Этот факт в дальнейшем позволит глубже понять отношения церкви и государства.

Далее автор цитирует Евангелие, напоминая, что «добрый пастырь отдает за овец свою жизнь, а наёмник – не пастырь, ему овцы не свои; он видит приближающегося волка, бросает овец и убегает от них» [там же, с. 388]. Вассиан несколько раз по тексту возвращается к пассажи о добром пастыре. В этом повторяющемся мотиве доброго пастыря читается роль государя по отношению к подданным. Наемником же выведен хан (и персонально, и в качестве публичной должности, статуса, достоинства), который, хотя и является правителем, не связан со своими подданными общей верой и моральным долгом. Отсылая к этому мотиву, Вассиан формирует противостояние царя-заступника и безразличного хана, который не связан со своим народом.

В отношении клятвопреступления Вассиан акцентирует внимание на двух аспектах. Во-первых, как пишет архиепископ, эта клятва подчинения была вынужденной для спасения своего народа. Во-вторых, она давалась не честному христианину, а богоборцу, хищнику и разбойнику [там же, с. 394]. Поэтому нарушение клятвы не является преступлением: его совершает благочестивый царь с благословения митрополита и церковного собора.

Наконец, завершая обращение к великому князю, Вассиан обещает ему благословение от Бога, а также гарантирует статус помазанника божьего и царя: «<...> Тебя даст нам Господь как освободителя нового Израиля, христианских людей <...> И пророки сказали бы: Богом утвержденный царь, соберись с силой, преуспей и царствуй истины ради, и кротости, и правды; и Бог чудесным образом направит твою десницу, престол твой правдой <...> И тогда непоколебимую

и безупречную царскую власть даст Господь Бог в руки твои, Богом утвержденный государь, и сыновей сынов твоих в род и род и вовеки» [там же, с. 397].

В приведенном тексте Вассиан строит следующую идеологическую конструкцию. Во-первых, он ярко противопоставляет Ивана III и хана Ахмата (как персонально, так и с точки зрения их публичного статуса). Русский царь здесь представляется заступником веры, благословленным на защиту своего народа, для которого он является пастырем. Хан – преступник и зверь, никак не связанный с народом. В этом смысле объяснение статуса русского царя приближается к описанию византийского императора: базилевс также получал свою власть через Бога и воспринимался в качестве заступника веры. Во-вторых, Вассиан как бы разрешает конфликт легитимации именно этой ветви Рюриковичей: в случае победы он обещает помазание Божье именно Ивану III и его потомкам, поскольку только они будут богоизбранными для управления государством, и никто другой.

Таким образом, из Послания на Угру мы получаем первый подход к осмыслению оснований власти московского государя. В конце XV века таким государем мыслился подобный византийскому императору богоизбранный царь, заступник веры, признающий, между тем, и власть церкви. Это царь, нарушающий традицию татаро-монгольских ханов. Что более важно, это царь, в назначении которого не участвуют граждане, т. е. получающий власть только лишь от Бога (в отличие от чистой византийской модели, где император мог лишиться власти по воле подданных [The Structure of Russian History... p. 67]). При этом Вассиан здесь умалчивает о соотношении власти и закона, принципиального для византийской модели, где император был подчинен нормативным предписаниям.

Перейдем к рассмотрению трудов Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Наиболее ярко они проявляют себя в конфликте, который развернулся в конце XV – середине XVI веков. Этот идеологический конфликт хотя и касался вопросов церкви, имел под собой государственно-правовое значение.

Его результат заложил основу для разграничения власти церкви и светских властей, которые в этот период только формировались.

Иосифляне – последователи Иосифа Волоцкого, боролись за право церкви владеть собственными землями и заниматься просветительской и иной деятельностью, что прослеживается в посланиях Волоцкого. Нестяжатели – более радикальная группа монахов, возглавляемая Нилом Сорским и настаивавшая на безупречном следовании аскетичному образу жизни, запрете церковного землевладения и бескомпромиссной, жестокой борьбе с еретиками. Основные идеи обеих групп изложены в посланиях их лидеров и ответах на них.

Государственно-правовое значение этого конфликта рассматривается в трех аспектах. Во-первых, речь идет о возможности секуляризации церковных земель. Для властей это был шанс нарастить землевладение и значительно уменьшить экономическую самостоятельность церкви. Поддержка нестяжателей означала нормализацию сокращения церковного землевладения. Между тем, второй аспект, касающийся борьбы с еретиками и идеологических чисток, на которых также настаивали нестяжатели, мог привести к нарушению хрупкого складывающегося консенсуса внутри молодого московского государства. Последователи Волоцкого таких радикальных мер не требовали. Наконец, в политическую программу нестяжателей также не входила поддержка государственной власти: они настаивали на абсолютной идеологической самостоятельности и чистоте церкви. Иосифляне, наоборот, хотя и требовали сохранения церковного землевладения, были готовы выступать партнерами государственной власти. Они смогли усмотреть конкурентное преимущество: молодое самодержавное государство нуждалось в объяснительных моделях. Их-то иосифляне и готовы были конструировать.

Этот выбор имел и правовые последствия. Так, П.П. Баранов пишет, что выбор в сторону иосифлян определил примат позитивного права над естественным, поскольку полагал в качестве ментального основания этику стремления вместо этики долга, и, следовательно, смещал акцент на материальные блага и ценности [Баранов, с. 22].

Тем не менее, власть избрала в качестве партнеров тех, кто был готов помогать ей разрешать идеологические задачи. Поэтому победителями этого конфликта в историографии считаются иосифляне, внесшие значительный вклад в разработку политической теологии российской государственной власти XV–XVI веков и легитимацию самодержавной власти.

Следующие знаковые документы 1523–1524 гг. принадлежат перу монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея. Это «Послание о неблагоприятных днях и часах», адресованное дьяку Василия III М.Г. Мисюрю-Мунехину, и «Послание великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и Содомском блуде».

Оба эти сочинения являются источником известной концепции «Москва – Третий Рим». Несмотря на то, что основная часть обоих посланий посвящена собственно церковным или моральным вопросам (о значении астрологии, дрожжевом хлебе или недопустимости содомского греха), некоторая часть произведений имеет политическое значение. В частности, автор отмечает, что «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя» [Библиотека литературы Древней Руси. Том 9, с. 291], что Василий III «один во всей поднебесной христианам царь» [там же, с. 292].

Историки спорят о содержании и характере этой концепции. С одной стороны, налицо попытка проследить историю легитимности власти московского князя от римских императоров и византийских базилевсов, то есть сослаться на авторитет, а также приписать государственной власти зависимое от церкви (или, по крайней мере, органически с ней связанное) положение. С другой стороны, существуют позиции, согласно которым такое прочтение посланий связано с идейным климатом царствования Александра II [Ульянов, с. 152–162], что послания вообще лишены политического смысла и имеют лишь морально-религиозное значение. Так, например, пишет историк А.В. Кореневский, который считает, что концепция «Москва – третий Рим» имела скорее морально-предупредительный характер, то есть намекала государю на необходимость жить в соответствии с законами христианской веры

[Кореневский, с. 21]. Между тем, и он не отрицает, что впоследствии эта доктрина превратилась в ключевую морально-политическую основу власти в России [Кореневский, с. 22].

Не углубляясь в дискуссию о наличии или отсутствии политического смысла в посланиях, признаем, что сообщение, описывающее статус государя и государства и адресованное напрямую государю или его ближайшему окружению, не может быть лишённым хотя бы минимальных политических коннотаций. Более того, когда такие документы создаются в период исканий новой модели легитимации власти, формирования новой государственной идеологии, они попросту не могут быть лишёнными политического смысла.

В этой связи представленная доктрина «Москва – Третий Рим» может рассматриваться как вклад в обоснование легитимности московского государя через утверждение преемственности Византии и Римской империи. Так Филофей попытался занять пустующее идейное пространство, представив ещё один довод в пользу византийской модели властвования.

Одним из выдающихся публицистов XVI века считается Иван Семёнович Пересветов. О нем почти не сохранилось биографических сведений, кроме тех, которые он сам указывает в своих произведениях. Это открыло для историков возможность разнообразных интерпретаций.

Так, Р.Г. Скрынников называет его «простым воинником, ставшим самым ярким идеологом русского самодержавия» [Скрынников, с. 72], который имел за спиной сильных покровителей [Там же, с. 72]. Историк не сомневается в существовании этого исторического персонажа, однако задается вопросом, какое реальное положение в обществе он занимал, чтобы даже в иносказательной форме так высказываться о власти. В.Б. Кобрин причисляет Пересветова к вольнодумцам XVI века, целая плеяда которых стала результатом своеобразной «оттепели» в период деятельности Избранной Рады [Кобрин, с. 72]. Автор также склонен доверять основной версии, изложенной самим Пересветовым во вступлениях к челобитным.

А вот Д.Н. Альшиц последовательно доказывает, что с большой долей вероятности Иванец Пересветов – это псевдоним, причем нескольких разных людей [Альшиц, с. 93]. Историк приписывает «Сказание о Магомете-султани» А. Адашеву, а «Большую челобитную» - самому Ивану Грозному [Там же, с. 96]. Автор аргументирует это значительным идейным разрывом между двумя произведениями. Если в «Сказании» речь идет о свободной войске, действующем в единстве с государем на более или менее демократичных началах, то в «Большой челобитной» автор уделяет центральное значение воле царя по наделению особо отличившихся воинов землями, то есть авторитарным началам властвования.

Между тем, независимый анализ обоих произведений обнажает и органическую связь между ними, и важнейшие идеологемы, изложенные в них.

«Малая челобитная» и «Большая челобитная», несмотря на различия в содержании, обращаются к двум важным повторяющимся мотивам: царя-заступника и правды. В первом случае Пересветов неоднократно ссылается на обиды со стороны сильных людей, судей, чиновников и просит государя лично заступиться за него. Здесь мы встречаем идеологему «царь хороший, бояре плохие», которая будет неоднократно встречаться в период правления Ивана Грозного, и особенно в опричное время. В «Большой челобитной» Пересветов уделяет значительное внимание наличию и отсутствию правды в Московской земле. И верно, идеологема правды уже встречалась ранее – в том же послании Вассиана, который дает благословение на правление, основанное на правде. Но и далее эта идеологема будет воспроизводить себя.

В «Большой челобитной» мы действительно видим весьма авторитарный подход. Автор указывает, что греческое царство пало, поскольку «вельможи и крестное целование ставили ни во что, совершали измены, несправедливыми судами обобрали царство <...> обленились и не стояли за веру христианскую и в царе укротили воинственность ворожбой <...> теперь же греки за гордость свою, за беззаконие, за лень свою откупают у турецкого царя веру христианскую» [Библиотека литературы Древней Руси. Том 9, с. 419].

Здесь мы усматриваем тезис о первоочередном значении армии и военного дела для государства, призыв к государю быть, в первую очередь, воином для защиты веры. Кроме того, здесь усматривается явное противоречие между упомянутым ранее описанием власти византийского императора, основанной на строгом подчинении закону, и отсылкой Пересветова к беззаконию греков.

Можно предположить, что понимание законности у автора «Большой челобитной» отличается от греческого: из контекста усматривается, что законность здесь тесно переплетается с идеологемой правды (а не с формальным следованием правилам и предписаниям). Тот же мотив проявляется и в «Сказании о Магомете-султане», который более христианский, чем греческий царь Константин, поскольку стоит за правду, хотя и не является христианином [Пересветов].

Таким образом, несмотря на наличие содержательных противоречий между произведениями Ивана Пересветова, есть и идеологические мотивы, их объединяющие. С учетом того, что эти сочинения, по сообщениям историков, являлись популярными у современников, можно представить, какой идеологический заряд они несли. Вне зависимости от аутентичного авторства этих произведений, ключевыми в них являются мотивы правды, на стороне которой стоит русский государь, мотив защиты государем отдельных людей от бюрократической машины и произвола. Кроме того, из прочтения памятников может сложиться представление о важном вопросе государственного строительства: «государевы люди» — это холопы государя, жизнью и имуществом которых он вправе распорядиться самостоятельно, или же это его равноправные помощники и советники? Далее мы увидим, как в правление Ивана Грозного происходит трансформация из второго состояния в первое.

Завершая анализ исторических памятников эпохи, перейдем к рассмотрению переписки Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. Это пять посланий разного объема, из которых третье послание Курбского осталось без ответа. Все они написаны после отъезда Курбского из России, которое случилось в связи с его страхом за собственную жизнь.

Историографическая ценность этих свидетельств иногда ставится под вопрос. Так, американский историк Э.Л. Кинан сомневается в их аутентичности. Он пишет, что в XVI веке известно малое количество списков этих произведений, в широкий читательский обиход они входят лишь в XVII–XVIII веках, а активно обсуждаться и издаваться начинают вообще только в XIX веке [Keenan, p. 37]. Это позволяет автору предположить, что на самом деле эти произведения были сконструированы русскими публицистами рубежей XVI–XVII веков, и ничего общего с реальной перепиской не имеют [Keenan, p. 38] (так называемый аргумент *ex silentio*).

Однако современные историки и антропологи отрицают эту позицию по двум причинам. Во-первых, она приводит к излишнему усложнению сущностей (в том смысле, что объяснение исторического процесса становится слишком сложным, а это не соответствует философскому принципу бритвы Оккама), а во-вторых, отсутствие широкой популярности отдельных работ и источников в определенный период времени не может свидетельствовать об их отсутствии в этот период. Популярность работы связана скорее с актуальностью её содержания, чем с фактом её реального существования. Возвращение переписки к жизни на рубеже XVI–XVII веков скорее можно объяснить окончанием правления Грозного и надвигающейся смутой, при которых описанная в памятнике проблематика могла стать для современников особенно актуальной [Кореневский, с. 15].

Обратимся к содержательной стороне переписки. Несмотря на то, что она сводится к взаимным обвинениям царя и Курбского, есть несколько политических моментов, которые обращают на себя внимание. Во-первых, мы усматриваем здесь обоснование рода Ивана Грозного от самого князя Владимира, крестившего Русь [Памятники общественной мысли Древней Руси. Том 3..., с. 189]. Царь возвращается к этому пассажиу снова и снова и, в обоснование этой связи часто обращается к памятникам литературы и истории, нередко интерпретируя их содержание в свою пользу.

Во-вторых, мы вновь возвращаемся здесь к идеологеме правды. Грозный многократно, едва ли не в каждом предложении, упрекает Курбского в измене, заявляя, что настоящий верный подданный должен оставаться со своим господином даже под угрозой быть наказанным (в том числе и без вины). В этом смысле усматриваются как бы биополитические (в прочтении М. Фуко и Дж. Агамбена) коннотации в самоощущении Ивана Грозного. Власть над своими людьми должна быть для него безраздельной, бесконечной; он хочет повелевать не только поведением своих людей, но и иметь право самостоятельно решать вопрос об их жизни и смерти.

Курбский же сводит всю свою риторику к обвинениям царя в убийствах невинных людей и, по верному замечанию В.Б. Кобрин, просит лишь справедливого наказания на основании решения суда [Кобрин, с. 223]. Между тем, здесь вновь обнажается идеологическое противоречие в ощущении законности: для Курбского она представлена через регулярные формализованные правовые процедуры (в западном варианте), для царя же закон – это правда, верность государю, личная преданность и, в конечном счете, слово государя.

Таким предстает идеологическое пространство России на заре эпохи самодержавия. Длительный удельный период, монгольское господство, а затем обретение самостоятельности под крылом московского князя привели к необходимости заполнить идеологическую пустоту вокруг государственной власти. Ключевым помощником в этом деле стала церковь, которая обладала, во-первых, широкой властью над человеческими умами, а во-вторых, профессиональной способностью объяснять различные идеологемы через доступный понятийный аппарат.

Из рассмотренных источников мы можем рассмотреть несколько способов легитимации власти. Во-первых, первоочередной задачей для идеологов эпохи являлось конструирование политических мифов, просто и однозначно объясняющих власть московского государя. Во-вторых, частью этого мифа, как правило, являлась апелляция к авторитету – например, установление

происхождения российского царского дома от византийских императоров. Наконец, ещё один способ легитимации – это объяснение через церковные доктрины. Все эти три способа тесно переплетались между собой, формируя уникальное идейное пространство.

Можно отметить, что на Руси в XV–XVI веках ещё не сложился особый политико-правовой язык: все подходы к легитимации власти основывались на священных текстах и религиозных категориях, а также на абстракциях высокого уровня (например, абстракция правды, справедливости). Можно наблюдать процесс взаимного проникновения церковного и политического. Отсюда можно сделать робкое предположение о возможности рассмотрения истории развития самодержавия в том числе через призму политической теологии Карла Шмитта, постулирующей, что государственно-правовой язык, термины и категории государства и права носят в себе секуляризованный религиозный смысл [Шмитт, с. 20].

Формирующееся идеологическое пространство основывалось в том числе на преемственности от первых киевских князей, а через них – и от византийских императоров, и обоснование этой преемственности являлось важной задачей для русского царя. Из этого можно предположить, что в российской картине мира власть представляет собой некую трансцендентность, причастной к которой правителю следует доказать.

Другой важный аспект – это идеологема правды, на основе которой, похоже, строилось представление о законности. Для русского государя важнее быть на стороне правды и справедливости, чем на стороне писанного права.

Особое внимание также следует обратить на то, что рассмотренные произведения в большинстве своем появились и распространялись в допечатную эпоху, то есть были доступны лишь небольшому числу граждан. Это означает, что вся идеологическая полемика, а также попытки установить легитимность власти московского государя были сделаны для небольшого круга лиц, причастных к этой власти. В этом смысле основной задачей власти, похоже, было легитимировать себя как минимум в собственных глазах и глазах аристократии.

Между тем вопрос о том, каким образом идеи самодержавия инсталлировались в ментальность широких масс, в первую очередь, крестьянского населения, ещё предстоит прояснить.

1.2. МОДЕЛЬ САМОДЕРЖАВНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Как и любая государственно-правовая идея, самодержавие проходило разные этапы развития. На одних этапах осмысление этого феномена являлось исследованием объективной реальности, на других – сугубо историческими изысканиями. Между тем, в период с конца XV века до первой четверти века XXI исследователи смогли создать множество интерпретаций самодержавия, наполняющих его особым политико-правовым смыслом.

Вопросы государственной власти и способов её осуществления всегда были в фокусе внимания разных ученых: юристов, политологов, историков, социальных философов, представителей психологической, исторической школ права и других научных течений. Такой живой интерес к всестороннему исследованию одного и того же феномена может свидетельствовать о его комплексном, системном характере, о том, что предмет исследования проникает в разные сферы жизни общества и являет себя разными инструментами.

Задача настоящей главы – прояснить существенные черты самодержавия, которые остаются неизменными при переходе из эпохи в эпоху, а также сделать вывод о трансформациях идеи самодержавия на основании исследования доктринальной литературы. Для анализа будут использоваться труды дореволюционных ученых, советских историков, а также современных историков, социологов и политологов (в том числе, зарубежных). Анализ трудов представлен в хронологическом порядке с промежуточными выводами относительно каждого из рассмотренных периодов.

Перейдем к рассмотрению дореволюционной доктрины. В числе авторов чьи труды будут рассмотрены в данной работе: В.Н. Лешков, Л.А. Тихомиров, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.А. Захаров.

Василий Николаевич Лешков – выдающийся русский юрист, автор концепции полицейского (общественного) права. В своих трудах особое внимание уделяет проблемам публично-правового регулирования общественной жизни, особенно в части гарантий образования, здравоохранения и общественного призрения со стороны государства.

В.Н. Лешков рассматривает русское государство через призму общинности, которая, на его взгляд, свойственна российскому государству вне зависимости от времени. Он пишет также, что причиной появления и одновременно задачей государств является «признание интересов корпораций и классов общими интересами, принятие содействия этим интересам и из развитие помогли государствам сомкнуть общины и корпорации в политическое единство» [Лешков, с. 49].

Кроме того, автор подчеркивает значение национального в развитии государств: «Национальное – вечно, необходимо, будучи связано с кровью, плотию, всем существом народа» [Лешков, с. 44]. А национальным для русского общества В.Н. Лешков признает общинный строй, документально подтвержденный Русской Правдой и действовавший до современности [Там же].

Несмотря на отсутствие прямых упоминаний и характеристик самодержавной власти, В.Н. Лешков описывает идеологическое содержание, которым может быть наполнена русская государственность. Он описывает Россию как государство свободных людей, объединенных в общины для взаимного сосуществования. Сравнивая российское государство с государствами запада, автор уделяет особое внимание дихотомии частного и общего. Для В.Н. Лешкова государства запада построены на человеческом одиночестве, раздробленности и власти индивидуального интереса. Для исконно общинной же России приоритет имеет общий интерес, общее дело, интересы сообщества и, в конечном счете, государства. Этот характер государственности и власти, как правило, не встречается при рассмотрении политических режимов и форм правления.

Лев Александрович Тихомиров – русский общественный деятель, политик и публицист конца XIX – начала XX века. В своем труде «Монархическая государственность» он разрабатывает оригинальную теорию власти, основанную на психологической потребности людей в подчинении и защите.

По Л.А. Тихомирову, любое государство состоит из четырех частей: нации, верховной власти (которая есть выражение властного принципа, объединяющего нацию), государства (как совокупности верховной власти и подданных) и правительства (как организации системы управления) [Тихомиров, с. 43–44]. При этом верховная власть может быть основана на одном из трех принципов: монархическом, аристократическом или демократическом. Наиболее предпочтительным для автора является первый принцип [Там же, с. 70].

Однако монархия сама по себе неоднородна и делится на три вида: монархию самодержавную, деспотическую и абсолютную [Там же, с. 105]. Смысл самодержавной монархии состоит в высоком моральном долге и идеале правителя, а также в его нравственном единении со своими подданными. В этом смысле важнейшее значение имеет религиозное начало, при котором государь получает свою власть от Бога, и имеет право осуществлять её лишь в полном соответствии с народной волей, в которой и выражается Бог: «<...> Бог пребывает с народом, верующим в Него» [Там же, с. 102].

Деспотическая власть по Л.А. Тихомирову является дефектной, поскольку основана на ложных моральных идеалах, ложной религии или связана с богопочитанием государя. Абсолютная же власть также дефектная, поскольку не является верховной в полном смысле слова: здесь монарх получает полноту власти как делегированную от народа, а значит имеет не реально действующую полную власть, а лишь потенцию реального действия.

Несмотря на разветвленную терминологию и технику описания власти, Л.А. Тихомиров дает дополнительные характеристики, которыми, по его мнению, следует наделить и российского монарха (как образца реальной самодержавной власти монархического принципа): это высокий моральный долг и нахождение с подданными в едином нравственно-религиозном пространстве.

Автор также обращает внимание, что государь-самодержец получает власть не от народа и не от предшественника, а от Бога, который, следовательно, и легитимизирует эту власть в народном сознании (раз находится в единстве с ним).

Дореволюционный историк права Василий Иванович Сергеевич в своих «Лекциях о древностях русского права» обращает внимание на трудность уяснения типа власти в московском государстве, ведь «узаконений, дающих точные определения власти, не было, а все держалось на живом, подвижном и трудно уловимом обычае» [Сергеевич, с. 156]. По мнению историка, ключевыми причинами развития российского самодержавия стало учение духовенства о божественном происхождении власти и проповедь духовенства о необходимости повиновения и покорения властям. Важной причиной было и появление митрополичьей кафедры именно в Москве, что налагало на духовенство обязанность поддерживать московского государя. Автор указывает, что воззрения на власть царя как на абсолютную медленно складывалось под воздействием деятельности царей [Сергеевич, с. 172].

Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов – русский историк, профессор истории русского права и автор «Обзора истории русского права», описывает самодержавный характер власти российского государя не только через единоличный её характер, но и через неограниченную полноту прав царя [Владимирский-Буданов, с. 187]. Автор связывает эту черту с заложенной в правовом менталитете потребностью к единоначалию, к «тождеству воли верховной с интересами населения» [там же]. Примечательно, что М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривает практику самодержавия как фактически сложившуюся при Иване III, теоретически осмысленную при Иване IV (особенно в его переписке с А. Курбским), а опричнину описывает как способ окончательно уничтожить прежние боярские и удельные порядки [там же].

Николай Александрович Захаров – русский юрист начала XX века, о котором почти не сохранилось биографических сведений. Его базовый труд «Система русской государственной власти» является самой поздней попыткой

проанализировать российскую государственность до Октябрьской революции. Книга проливает свет на специфику российского государства, а также на роль самодержавия в нем.

В доктрине и историографии наиболее известен пассаж Н.А. Захарова о необходимости «скроить перчатку русского государства по русской руке» [Захаров, с. 7], то есть отказаться от попыток переложить отечественную реальность на западные лекала, научиться соответствовать западным теориям власти, а вместо этого выработать собственную, основанную на анализе оригинального исторического опыта.

Н.А. Захаров отстаивает позицию о самобытном возникновении российского поземельного строя, основанного на прежних частно-земельных и владельческих отношениях, а не на феодальных [Там же, с. 15]. Кроме того, автор усматривает стремление имплементировать идею власти византийского императора в российское идеологическое пространство [Там же, с. 13]. Анализируя устройство современной ему России 1912 года, Н.А. Захаров выделяет три ветви власти: законодательную, власть управления и судебную, а также отдельную самодержавную власть особого рода. Он пишет и об особенностях российского парламентаризма (который направлен не на ограничение власти государя, а выступает посредником и коммуникатором между царем и народом). Но ключевой интерес представляет анализ самодержавной власти.

Для Н.А. Захарова самодержавная власть не тождественна ни одной из ветвей власти, более того, ни одна из ветвей власти не ограничивает самодержавную. Захаров пишет, что введение народного представительства не влияет на существование самодержавной власти и не превращает строй в парламентский [Там же, с. 289].

Автор рассматривает самодержавную власть как исключительно уполномоченную в трех разрезах: во-первых, только самодержавная верховная власть наделена учредительным характером, то есть имеет право принимать решения о государстве вообще, наделять правомочностью органы власти,

создавать и запускать правопорядок [Там же, с. 301]. Во-вторых, только самодержавная власть является властью «последнего неизменяемого самостоятельного решения» [Там же, с. 302], то есть суверенной властью, уполномоченной вводить чрезвычайное положение (в шмиттанском смысле [см. Шмитт, с. 15]), решать вопросы войны и мира, отчуждать и принимать территории. Наконец, в-третьих, самодержавная власть является сосредоточением традиции и идеологической власти, контролирующей религиозные и светские (дворцовые) вопросы [Захаров, с. 307].

Так, для Н.А. Захарова самодержавная власть – это особый вид власти, который можно назвать предельно суверенным: это власть, которая определяет и создает правопорядок, но наделена и правом приостанавливать или демонтировать его; власть, ведающая всеми вопросами, включая вопросы идеологии и церкви.

На этом завершается анализ дореволюционной правовой и исторической доктрины. К специфическим чертам этой литературы можно отнести то, что ученые, как правило, не прибегают к сравнению с западными аналогами и не смотрят на сложившуюся в России систему государственной власти через призму «правильных» форм, но пытаются сформулировать собственные формы и теории, основываясь на собственном анализе проблематики.

Что касается самого самодержавия, то для дореволюционных ученых оно представляет собой особый сплав предельно суверенной власти, религиозной доктрины и этико-моральных предписаний. Хотя эта власть единоличная и сильная, она стремится к общему благу и выполняет особый моральный долг перед населением и перед Богом.

Отдельно можно выдвинуть и такую гипотезу: если на первых этапах зарождения и развития самодержавия церковь была важным партнером в легитимации власти для широких слоев населения, то впоследствии, когда зависимость государства от церкви была преодолена, органическая связь и тонкое переплетение светского и духовного не была отвергнута. Наоборот, эта

связь, похоже, стала важным идеологическим и церемониальным компонентом власти в России.

Перейдем к рассмотрению советского периода и советской историографии. В первую очередь, следует сделать пару общих замечаний относительно советской науки. При анализе исторических деятелей, например Ивана Грозного, мы видим здесь яркий след культа личности. Наука выдвигает на первый план деятельность отдельных личностей, как бы минимизируя остальные факторы.

Советский историк Даниил Натанович Альшиц высказывает позицию относительно самодержавия через рассмотрение опричнины. Вопреки сложившейся в историографии практике, Д.Н. Альшиц не согласен с тем, что опричнина была отменена в 1572 году [Альшиц, с. 183]. По мнению историка, Иван Грозный отменил лишь название для режима безграничной самодержавной власти: опричнина позволила ему сосредоточить в своих руках почти абсолютную власть, в том числе власть над жизнью и смертью каждого своего подданного. Это и есть высшее проявление самодержавия, которое было внедрено на всей территории России, а потому разделение на опричнину и земщину более не требовалось [Альшиц, с. 189].

Другой историк, Владимир Борисович Кобрин, полемизируя с Д.Н. Альшицем, ссылается на то, что Иван IV был сам по себе жестким человеком, а значит конфликт между просвещенной и гуманной Избранной Радой, которая хотела централизовать государство поступательными реформами, и радикальным царём был неизбежен [Кобрин., с. 124]. Историк считает главным аргументом в пользу падения опричнины то, что в итоге казна, войско и органы государственной власти были объединены, а сами лидеры опричного режима – казнены [Кобрин, с. 221]. Между тем, автор не обращает внимания на то, что эти объединенные органы власти (в том числе Боярская Дума) уже состояли из «выпускников» опричного войска, назначенных туда Иваном Грозным.

Руслан Григорьевич Скрынников, несмотря на вполне обоснованные сомнения в подлинности его источников (так, он ссылается на некоторые

документы, которые Д.Н. Альшиц и В.Б. Кобрин считают подложными или отредактированными, либо же ссылаются на упоминания о предполагаемых источниках), предлагает иную точку зрения на динамику развития российского государства. Историк пишет, что централизация и реформы в стране были неизбежными, поскольку кризис власти, разразившийся после смерти Василия III, дискредитировал сложившиеся порядки для всей знати [Скрынников, с. 61]. Между тем, основным источником этих преобразований являлось духовенство, которое и проводило свою волю через ближайшее окружение царя.

Не вдаваясь в подробное размышление о сути упомянутых дискуссий, сделаем промежуточные выводы о содержании отечественной историографии советского периода. Во-первых, следует отметить, что история стала в большей степени конкретной наукой: задачей ученых было установление фактов, поиск и введение в научный оборот новых источников, их анализ. Такой поворот от интерпретационной функции исторической науки был сделан в рамках диалектико-материалистического подхода, который являлся господствующим в советском обществе.

Тем не менее, за пределами ограничений методологии разворачивалась баталия за роль и смысл опричнины: для одних историков это была хотя и темная страница отечественной истории, но необходимая с точки зрения государственного развития. Для других – лишь неудавшийся эксперимент полубезумного царя. В этой дискуссии мы находим и следы ранее упомянутых черт самодержавия: в первую очередь, безграничного и едва ли не биополитического характера власти российского государя, его стремление к предельному суверенитету, к праву создавать и упразднить правопорядок.

Рассмотрим некоторых представителей современной российской науки и публицистики. Безусловно, следует оговориться, что период после 1990-тых годов следует поделить на два этапа развития российских социальных наук: 1990-2000-е, когда основным идейным мейнстримом являлась критика существовавших воззрений, а также сомнение в существовании самобытного

российского государства, и доктрина после середины 2000-ных, вновь развернувшаяся к поискам собственных идейных начал.

Наталья Фёдоровна Медушевская в своей докторской диссертации выделяет следующие интеллектуально-ментальные особенности российской правовой и государственной действительности: теоцентризм, при котором формальному закону противопоставляется идея всеобщей благодати, авторитарно-монархический идеал властвования, при котором частные интересы полностью растворяются в государственном благе, покорность власти, этикоцентризм, особая концентрация которого выражена в идее правды, противопоставленной закону [Медушевская, с. 18-19].

Исследуя ментальные основания российского права, Медушевская отмечает также высокий потенциал беззаветного служения, к которому приравнивалась любая государственная служба. Кроме того, автор отмечает универсальность такой модели властвования для всей евразийской цивилизации.

В книге «История России: конец или новое начало?» А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко анализируют проблемы легитимации государственной власти в России. Относительно московской Руси XIV–XVI веков, авторы отмечают следующее.

Самодержавие, по их мнению, представляет собой государственную форму принципа надзаконной силы [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 108]. Авторы указывают, что развитие самодержавия явилось ответом на кризис легитимации, который разразился после поражения Орды. При этом если Иван III искал способ легитимации своей власти в обращении к прошлому и попыткам присоединиться к наследию Византии, то Иван Грозный отошел от этого и апеллировал к вечности: то есть к божественному праву на управление государством и полномочиям, данным ему Богом [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 165].

По мнению авторов, Иван Грозный продолжил и форсировал то, что начали его предки. Кроме того, весь процесс развития московского государства до конца XVI века был связан с успехами прошлых московских князей:

финансовой моделью Ивана Калиты, правом на ярлык, которое за собой закрепили именно московские князья, и, наконец, амбицией на власть, которая была им свойственна [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 107].

Отдельно они отмечают кризисное явление, связанное с опричниной: поскольку государь формировал новую элиту из числа холопов, она не отличалась высокой компетентностью, а, следовательно, сильно вырождалась [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 143]. И эта проблема усугубляла негативные последствия опричного правления для России.

Так, авторы рассматривают самодержавие как ответ на культурный запрос и внутреннюю потребность населения, а также на кризис легитимации власти после падения Орды. Для них самодержавие – способ удержать, «склеить» государство, используя фигуру сильного царя-заступника, при этом не уходя далеко от догосударственного идеала племенного властвования.

Рассматривая самодержавие как правовой феномен, Е.В. Сафронова и Г.П. Шайрян выделяют следующие его интерпретации: форма верховной власти, сложившаяся и религиозно обоснованная законодательно установленная власть российского монарха, обладающая наряду с юридической неограниченностью царским верховенством и священностью, наконец особая форма правления московского государства, правовая традиция, установившая в России с XVI века [Сафронова, Шайрян, с. 245]. Ученые рассматривают самодержавного государя как находящегося на недостижимой высоте по отношению к другим возможным формам власти, а кроме того, ссылаются на описание царской власти не только как явления государственного, но и церковного права [Там же, с. 247].

Историк Александр Янов, осмысляя и интерпретируя длительную русскую историю, считает, что Россия изначально представляла собой европейскую цивилизацию, для которой характерен не авторитарный характер властвования, а демократические тенденции. При этом каждый сильный царь – Иван Грозный, Петр I и иные – разрушали сущность российского общества и пытались вменить ему несвойственный авторитаризм [Янов, с. 44].

Такова палитра мнений отечественных ученых относительно самодержавия. И хотя наука вновь вернулась к интерпретации исторических событий, а также к выделению сущностных, самобытных основ российского властвования, некоторые дискуссии об ином характере российского государства продолжают и по сей день.

Наконец, коротко рассмотрим воззрения зарубежных ученых на государственно-правовую динамику российского государства.

Американский историк, византист и специалист по политической мифологии Майкл Чернявский в своих работах, во-первых, выделяет три ключевых аспекта власти византийского императора (титул («Регалия»), печатание на монетах и упоминание в божественной литургии), которые, по его мнению, наследовал российский государь, а во-вторых, сильно акцентирует внимание на концепции Москва-третий Рим, утверждая, что после исчезновения византийского императора, стал вакантным трон, который существовал в течение всего мироздания, и этот трон надо было занять.

Он отмечает, что вплоть до воцарения Ивана Грозного в молитвенниках упоминалась молитва за императора, и даже Дмитрий Донской в молитвах за его победу назывался императором (как заимствование из византийских текстов). По Чернявскому, лишь при Василии III русского властителя стали регулярно называть царём, а после коронации Ивана IV в 1547 году установилась понятная и универсальная титулатура царя [The Structure of Russian History, p. 66]. Но автор также обращает внимание, что Иван III, когда короновал сына в качестве соправителя, уже использовал классический византийский ритуал для коронации кесаря, младшего со-императора, при этом как бы выставляя себя в качестве старшего императора. [The Structure of Russian History, p.67]

Чернявский наблюдает терминологическое разнообразие вокруг титулатуры хана: ордынские ханы, по крови произошедшие от Чингисхана, в русской иконографии и летописях именовались не иначе как царями, а вот узурпировавший трон Мамай именовался лишь великим князем. Чернявский цитирует Грекова о том, что в период ига не было в литургии упоминания

царского достоинства, а лишь императорского, чтобы не внедрять в массовое сознание необходимость подчинения игу [The Structure of Russian History, p.68].

Делая вывод из исследования, Чернявский отмечает особый смысловой и идеологический окрас русского царя, который получился уникальным смешением между реальной властью хана и атрибутами универсальной власти византийского императора [The Structure of Russian History, 69]. Хотя, конечно, в титуле Ивана Грозного прослеживаются отзвуки татарского наследия, что он Царь Казанский и Астраханский (государь, великий князь и царь Астраханский...), вопрос о том, какая именно модель власти сложилась, является актуальным, поскольку власть царя-базилевса – это правление по закону, а власть царя-хана – надзаконное, иногда деспотическое правление. И в этом смысле слова Василия III о том, что все россияне – царские холопы, достаточно показательны [The Structure of Russian History, p.73].

В опричнине Чернявский усматривает борьбу между старой ортодоксальной христианско-языческой Московией, управляемой ханоподобным великим князем, и новой абсолютистской секулярной Россией под властью богоизбранного царя [The Structure of Russian History, p.74]. Однако, по его мнению, ни один из образов не изжил другой, и, более того, они так и не смогли синтезироваться, периодически появлялся то мирный святой царь-базилевс, то секулярный полновластный хан.

Историк и социолог Ричард Лахман, описывая модели государствогенеза, делает упор на особый вклад элит в формирование государств по всему миру. Ключевыми вопросами для него являются вопросы выстраивания властных отношений государя и элит и вопросы консолидации экономических и военных (репрессивных) ресурсов вокруг государства. Лахман воспринимает государства как вид корпорации, которая в период своего становления конкурирует с иными подобными образованиями: аристократическими кланами, объединениями купцов, военизированным автономными объединениями удельных князей и городами [Лахман, с. 107].

Коротко упоминая Российский опыт, он относит процессы формирования российского государства к XV веку и включает его в единую восточноевропейскую модель [Лахман, с. 106]. По его мнению, государствогенез происходил на основе консолидации элит вокруг более или менее удобного им государя, когда элиты самостоятельно и по своей воле передавали власть над собой представителю одного из кланов. Лахман подчеркивает, что идентичные процессы разворачивались и в Польше, и в иных восточноевропейских государствах.

Отдельно он обращает внимание на особенность самодержавной власти. Будучи представителем теории элит, Лахман пишет, что с установлением полномасштабных самодержавных моделей, элиты перестают бунтовать против власти, а начинают бороться за ресурсы и положение иерархии внутри самодержавного государства [Лахман, с. 106].

Таким образом, на основе анализа российской и зарубежной доктрины в правовой, исторической и иных социальных науках, можно сложить представление не только о калейдоскопе мнений насчет русской истории, но и установить сущностные черты самодержавия, которые являются непреходящими и воспроизводят себя, а также динамическую модель трансформации феномена самодержавие во времени.

К сущностным чертам самодержавной власти можно отнести её этикоцентричный и религиозный характер, предельную суверенность, а также органический по отношению к психологии населения характер.

Во-первых, это власть, всегда тесно переплетенная с религиозными доктринами. И если ранее упоминалось, что это могло быть связано с отсутствием артикулируемого политико-правового языка в средневековой России, то на горизонте последующих периодов становится очевидным, что эта органическая связь продолжилась и после появления такого языка. Несмотря на отделение политико-правовых концепций в самостоятельные области знания, представления о монархе как о ставленнике Бога, как о носителе морального долга и как о связанном со своим народом через Бога продолжалось и далее.

Более того, самодержавная власть наделена высокими моральными требованиями к монарху, предписывает ему выполнение долга перед Богом и подданными.

Во-вторых, самодержавная власть – это всегда власть суверенная в своем пределе. Это власть, которая может самостоятельно утверждать правопорядок, активировать полномочия органов власти и должностных лиц, но также и приостанавливать этот правопорядок, даже ликвидировать его. Это суверенная власть ещё и в современном биополитическом смысле – то есть власть, управляющая жизнью и смертью своих подданных. Самодержцу следует подчиниться в любом случае, даже если он нарушает свой нравственный долг, поскольку плохой государь достается людям за их грехи [Сергеевич, с. 162].

В-третьих, самодержавная власть – это конструкция, которая появилась в ответ на вызов эпохи с учетом психологического и идеологического климата. Такая конструкция власти – то, что устраивало большую часть населения и отзывалось их запросу на справедливого сильного государя.

Если идеологема самодержавия появилась как быстрая реакция на необходимость объяснить моральное право московского князя являться государем всея Руси после падения Орды, то дальнейшее её развитие уже является самостоятельным и приводит к формированию весьма самобытной модели легитимации власти государя.

Если вначале московскому царю было важно проследить собственную родословную вплоть до князя Владимира и Рюрика, чтобы обосновать власть, то уже Иван Грозный после введения опричнины начинает достаточно произвольно обходиться с собственным происхождением: он уже и потомок Августа, и германец, и англичанин (в зависимости от ситуации). Это означало, что вопрос происхождения власти от конкретных родов был для него в меньшей степени хорошим способом придать власти легитимность. Власть уже держалась на других основаниях.

Между тем, в рассматриваемый период XV–XVI веков мы видим ещё не всю эту сложившуюся модель. Мы видим конфликт с духовенством, которое

ещё имело серьезный политический и идеологический вес, конфликт внутри аристократии и трудности перехода с удельной системы к централизованному государству. Мы видим интриги и неподчинение, заговоры, а также относительную слабость собственно фигуры царя (особенно усугубившуюся в связи с воцарением младенца Ивана IV). Анализируя исторические материалы, мы становимся свидетелями складывания этой модели, борьбы царя за самодержавный характер его власти.

Мы видим динамику легитимации режима: на первом этапе идеологи и апологеты самодержавия пытаются уследить связь новой власти с ранее существовавшей традицией. Далее начинается борьба этой власти на внутренний суверенитет – то есть право самостоятельно и безраздельно управлять всеми процессами государства. Этот этап может растягиваться на столетия, а может проходить стремительно (как в случае с опричниной). В итоге необходимость связи с традицией отмирает, а новым основанием легитимности власти становится или сила или соответствие чаяниям населения.

В этом смысле в XV–XVI веках наблюдается не просто появление сиюминутного способа обоснования власти, но зарождение действительно самобытной и глубоко осмысляемой традиции властвования, надолго закрепившейся в России и продолжающей косвенно влиять на нас даже в сегодняшних реалиях.

ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

2.1. ВНЕПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР САМОДЕРЖАВНОГО ВЛАСТВОВАНИЯ

Рассмотрев основные идеологические способы легитимации самодержавной власти, перейдем к способам её легализации. Для этого исследуем систему источников права XV–XVI веков, проведем сравнительный анализ двух Судебников – 1497 и 1550 годов, сравним их с регулированием Стоглава, а также рассмотрим вопрос о правовой стороне опричнины Ивана Грозного. В рамках данного анализа важно установить набор правовых средств легитимации государственной власти, а также их роль и значение с учетом исторического контекста.

Обращаясь к правовым источникам рассматриваемого периода, следует принять во внимание тот факт, что их невозможно и нецелесообразно описывать через современные теоретико-правовые категории. Как отмечали А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко, в этот период происходит переход из догосударственного состояния в государственное, сопровождающийся медленным отмиранием пережитков прежнего строя, наполнением старых категорий иным содержанием [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 103]. В этом смысле государство, правовые нормы были достаточно новыми институтами, сильно трансформировались в процессе развития и содержательно отличались от современных аналогов.

Поэтому при анализе источников права мы не ставим задачей описать их через современные категории (например, разрешить вопрос о том, является царская жалованная грамота нормативным правовым актом или актом применения права, либо попытаться усмотреть в нормативных документах аналоги конституции). Основное внимание скорее будет обращено на содержание и значение документов, процедуру их принятия и реальную исполнимость адресатами правовых предписаний.

Такой подход уже нашёл свое отражение в крупных монографиях отечественных и зарубежных ученых. Так, Ф. Фельдбрюгге (который далее неоднократно будет цитироваться) отстаивает позицию, что при изучении средневекового права следует относиться к нему функционально, то есть рассматривать не форму или содержание норм, но тот политико-правовой и культурный контекст, в котором эти нормы появляются [Антонов, с. 221]. Той же методологической позиции придерживается и И.Л. Честнов, который отстаивает необходимость ухода от позитивистской юриспруденции и возвращение в правовые исследования человека [Честнов, с. 55].

В этой связи право будет рассматриваться в данном параграфе именно как сложный социокультурный феномен, предписания которого глубоко связаны с историческим и культурным контекстом, а также отражают особенности правосознания.

К началу эпохи централизованного государства в России действовало преимущественно обычное право из Русской Правды [Владимирский-Буданов, с. 255]. Значительной проблемой являлось обилие списков Правды, которое в условиях удельной системы разрывало единообразие законодательства. Более того, в разных уделах могли существовать и разные правовые обычаи, не включенные в текст Русской Правды, но включенные в правопорядок и применяемые на практике. В этой связи одной из задач при централизации государства, которая встала перед Иваном III, а затем и перед Иваном IV, было введение единообразного правового регулирования на всей территории единого государства [Там же].

Между тем, нужно отметить, что и обычаи из русской правды, и тексты обоих Судебников содержат преимущественно нормы уголовно-процессуального и (в гораздо меньшей мере) нормы гражданского права. При этом норм публичного права, описывающих порядок осуществления государственной власти, архитектуру и правовой статус государственных органов, обнаружить в этих документах практически невозможно. Это связано в том числе и с относительной новизной явления государства, упомянутой ранее,

а также, возможно, с отсутствием необходимости такого регулирования, по крайней мере на уровне правосознания средневекового человека.

Коротко рассмотрим основное содержание Судебников. Л.В. Черепенин называет Судебник 1497 года первым российским кодексом [Памятники русского права, Том 3, с. 341]. Он указывает, что многие правовые нормы являлись переложением ранее действовавших и записанных в Русской Правде или иных нормативных актах (например, городских или удельных судных грамотах). Однако значительная часть норм была действительно инновационной, а само принятие Судебника имело важное объединительное значение.

С точки зрения содержания, большая часть предписаний касается регулирования уголовных наказаний, уголовного судопроизводства, а также пошлин, связанных с этими процедурами. Царь (или государь) назван в тексте судебника несколько раз, но скорее как судья, особый участник судопроизводства или лицо, принимающее конечное решение об отпускной грамоте.

Обратим внимание на первый абзац судебника: «<...> уложил князь великий всея Руси Иван Васильевич с детьми своими и с борами о суде, как судити боярам и окольниковым» [Памятники русского права. Том 3. Книга 1, с. 18]. В историографии этой записи придается важное значение. Она сформулирована таким образом, что ключевым действующим лицом при принятии документа являлся именно государь, а иные лица только поддерживали его решение. Из такого толкования этой преамбулы Судебника 1497 года следует, что решение государя о создании правовых норм не нуждается в дополнительной легитимации со стороны иных органов.

С аналогичной записи начинается и Судебник 1550 года. Однако процедура принятия, по мнению ученых, в данном случае не вполне соответствовала описанному в документе. Так, Л.В. Черепенин со ссылкой на И.И. Смирнова, С.А. Романова и С.О. Шмидта пишет, что в период с 1549 по 1551 годы прошла серия совещаний, посвященных устранению недочетов в управлении государством, с участием представителей боярства, служилого

дворянства и духовенства. Одно из таких совещаний и приняло Судебник 1550 года [Памятники русского права, Том 4, с. 262]. Р.Л. Хачатуров считает реальной версией о проведении некоторого Земского собора в 1549 году, где и был принят Судебник [Памятники российского права, Том 3, Книга 1, с. 41]. Однако Д.Н. Альшиц и В.Б. Кобрин, рассматривая характер этих совещаний, ставят под вопрос, с одной стороны, самостоятельность и независимость этих собраний в принятии решений, с другой – способность юного царя проводить через них свою волю [Альшиц, с. 253].

Так или иначе, мы встречаем один из первых правовых памятников, которые, возможно, были приняты не только путем царского повеления, но и с привлечением общественности. Реальная степень участия дворян, бояр и духовенства является спорной, но тем не менее перед нами ещё один способ придания юридической силы нормативному акту: он легитимизируется не только через стандартную для самодержавия модель царского слова, но и через вовлечение в обсуждение и одобрение наиболее знатных и влиятельных лиц государства.

При увеличении объема Судебника содержательная сторона документа претерпела лишь незначительные изменения: в основном это по-прежнему правила судопроизводства по уголовным делам с отдельными статьями, касающимися пошлин и защиты права собственности на землю. Ф. Фельдбрюгге указывает, что главным нововведением Судебника было смещение приоритета с защиты прав крупных землевладельцев на внимание к мелким землевладельцам, что было частью программы по развитию дворянства в централизованном государстве [Feldbrugge, p. 675]. Кроме того, он отмечает, что составители документа сделали его более похожим на кодекс в современном понимании правил юридической техники, материал излагается более системно, а отдельные статьи отличаются логической завершенностью [Там же].

Однако финальные статьи Судебника скорее напоминают нам современное законодательство, и в том числе конституционное. Документ завершается статьями 97, 98, 99 и 100.

Статья 97 Судебника посвящена вопросам обратного действия и прямо говорит о том, что «вперед всякие дела судити по сему Судебнику» [Памятники русского права, Том 3, Книга 1, с. 61], то есть запрещает распространение положений этого документа на правоотношения, возникшие до его введения в действие, а также устанавливает, что уже начатые процедуры должны быть завершены по нормам, действовавшим на момент начала таких процедур. Статья 99 устанавливает наказание за лжесвидетельство.

Однако наибольший исследовательский интерес в контексте темы диссертации представляет статья 98. Она сформулирована следующим образом: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати» [Там же, с. 61]. Здесь законодатель устанавливает правила устранения пробелов в праве, а также, по мнению некоторых ученых, формулирует подход к законодательному процессу вообще. Пробелы, как и регулирование новых правоотношений, отнесены к компетенции боярской думы и царя, причем утверждает новое право боярская дума после «докладу» государя.

Л.В. Черепенин читает эту статью как предписание дополнять Судебник новыми нормами по мере их появления и утверждения боярской думой [Памятники русского права, Том 4, с. 232]. Он описывает этот процесс таким образом: при возникновении дела, решение которого требовало новых норм, оно отправлялось из приказа в боярскую думу и к царю, которые по итогам обсуждения устанавливали новое регулирование и возвращали его в приказ. Итоговый акт становился частью указной книги приказа и национальной правовой системы [Там же].

В свою очередь Ф. Фельдбрюгге обращает внимание на другой аспект: статья 98 Судебника как будто оставляет право финального решения не за царём, а именно за боярской думой: «по государеву докладу со всех бояр приговору». Историк усматривает в этом попытку конституционно ограничить усмотрение государя в принятии законов, которую предприняли А. Адашев, А. Курбский

и Сильвестр в рамках своей реформенной программы. Попытку в итоге провалившуюся, поскольку и реформа, и сама Избранная Рада были отвергнуты царем [Feldbrugge, p. 796].

Таким образом, Судебник 1550 года, хотя и не содержит напрямую публично-правового регулирования, по своей природе отличается от предыдущего Судебника 1497 года. Принятый как часть реформенной программы, целью которой являлось установить консенсус между юным царем, служилым сословием, аристократией и духовенством, он и в процедуре принятия, и в содержании отражал тенденции, противоречащие самодержавию. Тем не менее, свою ситуационную функцию он выполнил. Консенсус был достигнут, а затем началась эпоха предельного самодержавия, фактически обнулившего правовой смысл Судебника.

Вне зависимости от политического содержания, отметим, что по своей сути это был первый шаг в сторону установления публично-правовых процедур осуществления государственной власти. То есть первая попытка власти придать своим решениям легальный характер.

Однако Судебники были не единственными правовыми актами в XV–XVI веке. М.Ф. Владимирский-Буданов указывает, что правовую систему единого российского государства тогда образовывали многочисленные грамоты и приговоры [Владимирский-Буданов, с. 255].

Жалованные, уставные и губные грамоты представляли собой документы, предоставляющие конкретные привилегии и определяющие правовой статус единиц местного управления. Приговоры – результаты деятельности Боярской Думы и приказов, как правило, связанные с разрешением конкретных вопросов. Однако определенным свойством нормативности эти документы также обладали: на основе ранее изданных приговоров могли разрешаться дела в будущем.

Ф. Фельдбрюгге так описывает систему российского права в XVI веке. Указами называли все решения государя, принятые им единолично. Приговорами – решения по важнейшим вопросам государства, принятым

совместно с боярской думой и начинавшиеся словами «государь указал, а бояре приговорили». А приговоры приказов были вообще универсальной категорией, которая оформляла любые решения приказов (начиная от разрешения конкретных дел и заканчивая принятием новых нормативных актов) [Feldbrugge, p. 721].

Рассмотрев традиционные источники права, то есть решения органов власти по вопросам их компетенции, перейдем к каноническому праву. Такой ход неслучаен. Описывая свойства самодержавной власти, Владимирский-Буданов обращает внимание на её тесную связь с духовными институтами в правовом смысле: «Великому князю и царю принадлежит, далее, право инициативы церковного законодательства и участия в самом обсуждении законов; примером может служить деятельность Грозного на Стоглавом соборе 1551 г.» [Владимирский-Буданов, с. 190]. В этой связи следует проанализировать и историю Стоглава, как источника канонического права, тесно связанного с деятельностью государя.

Стоглав – сборник ответов церкви на вопросы государя, состоящий, как следует из названия, из ста глав (или статей), аналогично Судебнику 1550 года. Этот документ является результатом церковного Собора 1551 года и не только охватывает своим регулированием вопросы веры, осуществления богослужения и взаимоотношений между служителями культа, но и является источником права в широком смысле. Стоглав содержит обязательные для верующих и их объединений правовые предписания, а также философские рассуждения, в том числе о сущности права.

До эпохи Ивана Грозного, как уже говорилось выше, церковь занимала важнейшее идеологическое и регуляторное положение. Наделенная простым, образным публичным языком и способная объяснять любые конструкции понятными словами, церковь регулировала повседневную жизнь людей более плотно, чем государство. Это видно и из содержания источников: Судебник 1550 года содержит процессуальные нормы, то есть описывает механизм вмешательства государства в правоотношения в крайнем случае, когда

их нормальное функционирование уже невозможно. Стоглав же содержит в том числе требования к образу мыслей и действиям при осуществлении повседневной активности обычными гражданами.

Стоглав становится первым каноническим документом, принятым при участии светской власти [Feldbrugge, p. 741]. Историки спорят о степени участия Ивана Грозного в создании сборника. Так, Р.Г. Скрынников утверждает, что государь был невероятно охвачен реформационным течением и принимал активное и непосредственное участие в подготовке вопросов для собора [Скрынников, стр. 90]. В.Б. Кобрин также убежден, что Грозный в то время активно и самостоятельно участвовал в управлении государством, однако, что касается Стоглавого Собора, степень реальной его погруженности установить достаточно сложно [Кобрин, с. 56].

Как бы то ни было, для анализа имеет значение не столько степень участия царя, сколько сам факт постановки задачи: сборник канонического права принимается в виде ответов на вопросы главы светской власти. Этот прецедент явно указывает на стремление государства не только подружиться, но подчинить церковь, воспользоваться её регулирующим ресурсом.

Другой важный факт, который следует отметить, связан с описанием личности Ивана Грозного. Исходя из концепции «двух Иванов», которая будет рассмотрена далее, Стоглав принимается в период, когда Иван Васильевич представлял собой набожного и благоверного государя. И в этой связи его живой интерес к собору, заявляемый Р.Г. Скрынниковым, может быть объясним. Царь мог живо интересоваться теми нормами, которым сам готов был следовать. Нам уже известно, что право, издаваемое государственными органами, как правило не регулировало деятельность самих этих органов. Чего нельзя сказать о нормах канонических, и особенно тех, которые определяют образ жизни правоверного христианина. Поэтому можно сказать, что перед нами пример того правового регулирования, которое косвенно определяло и поведение царя, а равно характер государственной власти.

В завершении обратимся к нетривиальному вопросу о правовом характере опричнины Ивана Грозного.

Введенное в 1565 году разделение территории российского государства на опричнину и земщину вызывает жаркие дискуссии среди историков. Как правило, они сводятся к оценке последствий или морального характера этого явления. Часто историки рисуют опричнину как внезапную прихоть царя. Тот же А. Курбский в письмах Ивану Грозному неоднократно упрекает того в многочисленных казнях и жертвах опричного террора.

Тем временем, Д.Н. Альшиц обращает внимание на некоторые детали, которые делают вопрос об опричнине менее однозначным. Так, он указывает, что реализация замысла была бы невозможна без введения в 1550 году царским указом практики отбора лучших представителей земель и городов на военную службу – именно этот принцип далее лег в основу формирования опричного корпуса [Альшиц, с. 233]. В 1556 году Уложением о службе была изменена система обеспечения служилых людей землей, благодаря чему размер земельных наделов был поставлен в зависимость от продолжительности службы [Альшиц, с. 23234]. Наконец, историк обращает внимание и на то, что «внезапный» отъезд царя был бы невозможен, если бы войско уже не было отобрано и сформировано, а Александровская слобода не была готова к расквартировке опричного корпуса. Кроме того, по свидетельству Д.Н. Альшица, царь лично накануне своего отъезда изымал церковные ценности, чтобы добавить их в опричный обоз [Альшиц, с. 236].

Таким образом, разделение государства на две части нельзя считать внезапной прихотью государя – это была выверенная и спланированная операция, обеспеченная в том числе правовыми средствами.

Существует также и гипотеза Р. Г. Скрынникова о существовании указа о введении опричнины, одобренного Земским собором. Ссылаясь на Таубе и Крузе, историк пишет, что во время возвращения царя в Москву для примирения с боярами был издан и одобрен Земским собором соответствующий указ [Скрынников, с. 189]. Действительно, такой ход событий мог быть

вероятным. Возможно даже, что таким образом Иван Грозный стремился следовать положениям ст. 98 Судебника 1550 года – утвердить новый закон не лично, а при участии советников и аристократии. Дополнительных подтверждений этой гипотезе нет, однако сама возможность такого поворота событий должна быть принята во внимание.

Таким образом, опричнина, несмотря на её негативные морально-этические оценки и разрушительные экономические последствия, во-первых, однозначно была подготовлена заранее, и в этой подготовке применялись правовые средства в виде царских указов и уложений, а во-вторых, могла быть сама по себе легальным явлением, существующим на основании указа, принятого совместно с боярами, духовенством и служилыми людьми.

Завершая рассмотрение вопросов, касающихся правового обоснования самодержавной власти, следует отметить следующее.

В рассматриваемый период публичного права как отрасли права, регулирующей архитектуру и полномочия органов государственной власти, ещё не сложилось. Власть являлась скорее источником, инициатором правовых предписаний, но не субъектом, кому эти предписания адресованы. Попытка включить такие нормы была предпринята при принятии Судебника 1550 года, однако позже вследствие развития автократических тенденций эти нормы перестали реализовываться.

Правовые нормы, издаваемые государством, были ограничены тематически. Гораздо сильнее повседневную жизнь людей регулировали нормы канонического права и содержание религиозных верований. С учетом личности государя, а также теологического характера самодержавной власти, эти нормы воздействовали и на государственную власть.

Тем не менее, в рассматриваемый период наблюдается тенденция к переходу от канонического и морально-этического регулирования к полноценному правовому регулированию. В том числе это проявляется и в возрастании уровня юридической техники нормативных документов, и во вмешательстве светской власти в процедуру принятия церковных актов.

Наконец, с учетом анализа правовых источников, становится очевидным, что для самодержавной власти на первых стадиях её существования вопрос легализации не являлся приоритетным. Гораздо большее значение имел вопрос легитимации как самого режима властвования, так и отдельных решений, для чего иногда использовались процедуры совета с Боярской думой или Земских соборов.

С учетом вышесказанного, можно также отметить, что в середине-конце XVI века для самодержавной власти уже был решен вопрос её концептуального обоснования. Притязания на титул государя всея Руси были устранены, а в общественном сознании установился консенсус относительно правителя и династии. Новой актуальной задачей для государства стало обеспечение реального влияния на жизнь граждан, то есть достижение высокого уровня управляемости государства. В этом контексте одним из ключевых конкурентов государства являлась церковь, а дополнительным препятствием – внутренняя раздробленность интересов властного аппарата и обилие групп влияния.

2.2. САМОДЕРЖЕЦ КАК КЛЮЧЕВОЙ АКТОР СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В знаменитой «Истории государства Российского» В.О. Ключевский развивает концепцию «Двух Иванов». Он делит период правления Ивана Грозного на две части: до введения опричнины и после. В этой логике Иван IV периода 1547–1565 годов представляет собой богопослушного, справедливого государя, который правил с опорой на квалифицированных советников и был нацелен на создание блага для своих подданных. После 1565 года перед нами черствый, истеричный, злобный кровожадный тиран, сектант, по надуманным предложениям истребляющий и врагов, и союзников [Ключевский].

Между тем, освободившись от моральных оценок и рассмотрев государственно-правовые и политические последствия деятельности «злого» Ивана IV представляется важным для полноценного понимания динамики

развития самодержавной власти в России. В этой связи в данном параграфе будут рассмотрены статусы Боярской Думы, Земских Соборов, динамика изменения их соотношений с властью государя, а также политико-правовые последствия опричнины.

Боярская дума – специфический совет при государе, своего рода пережиток княжеской системы. В него входили наиболее влиятельные аристократические фамилии, крупные родовитые землевладельцы. Как пишет Ф. Фельдбрюгге, древним способом управления, который продолжался вплоть до середины XVI века, являлось ежедневное совместное заседание царя и его приближенных бояр, в ходе которого коллегиально решались государственные вопросы [Feldbrugge, p. 719]. Историк отмечает, что в таких заседаниях могли принимать участие не только собственно бояре, но и думные дьяки, окольные дьяки и иные служащие, обеспечивавшие деятельность государственного аппарата. Как правило, сложные вопросы, требующие согласия в правящей среде решались именно с привлечением боярской думы, состав которой мог определяться *ad hoc* – в зависимости от явки, сущности вопроса или по случаю.

По свидетельствам Р.Г. Скрынникова, существует версия, согласно которой Василий III, сосредоточивший в своих руках огромную власть, поручил управление страной после смерти не жене Елене Глинской, а немногочисленному совету из числа приближенных бояр. Бояре эти впоследствии начали борьбу за власть, победителем которой стала партия во главе с Глинской (за счет её дяди). А версию с поручением власти сразу вдове приписали летописцы Ивана Грозного по его приказу [Скрынников, с. 40]. Этот вариант может быть допустимым, учитывая, что единоличное управление не было принято даже при жизни государя.

Боярская дума продолжает определять политику государства и при Иване IV. Позднее из кружка активных деятелей формируется фактическое правительство, названное историками Избранной Радой, и проводившее ряд преобразований. Как отмечает Д.Н. Альшиц, с учетом исторического контекста деятельность такого органа была необходимой: он обеспечивал консенсус между

аристократией, служилым сословием и духовенством, постепенно укрепляя самодержавную власть государя, или, как минимум, не позволяя заменить её боярским правлением [Альшиц, с. 74].

Однако неизбежно политическое пространство московского государства строилось вокруг царя. Он был ключевым деятелем и доминировал по отношению к другим участникам политического процесса [Felbrugge, p. 719]. И центробежные силы становились более интенсивными. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что боярская дума всегда была вспомогательным инструментом в управлении государством [Владимирский-Буданов, с. 192]. Соответственно, после периода боярской вольницы, связанной со слабостью юного Ивана IV, к середине столетия началась тенденция возвращения этого органа к статусу консультирующего, но не принимающего решения.

Так, отношения царя и боярской думы на разных этапах могли быть разными и сильно зависели от личных характеристик царя. Если он обладал достаточным политическим весом, чтобы держать членов совета в подчинении, дума выступала лишь в качестве советников. В иных случаях она стремилась занять собственное положение в системе органов государственной власти или даже подменить царскую власть. Между тем, как отмечает Ф. Фельдбрюгге, дума являлась пережитком прежнего строя, данью уважения крупным землевладельцам и представителям фамилий [Feldbrugge, p. 720].

Распространенная в историографии гипотеза касается Земских соборов. Относительно Земских соборов в историографии сложилось представление, определяющее их в качестве полноценного представительного органа власти. Проведение таких соборов классифицируется историками в качестве обоснования концепции сословно-представительной монархии, которая якобы начинает складываться в России в XVI веке.

Не углубляясь в подробности относительно дискуссий вокруг Земских соборов, отметим следующее. Не вызывает споров, что в XVI веке, до момента смерти Федора Иоанновича, они созывались по инициативе царя. Он же определял их персональный состав. Так, Ф. Фельдбрюгге отмечает, что

первый Земский собор 1549 года состоял из митрополита и духовенства, боярской думы, дьяков, окольных, казначеев и высших должностных лиц дворца [Feldbruge, p. 802]. Ни о каком широком народном представительстве от всех сословий в данном случае речи не идет. Не идет речи и об исчерпывающем представительстве – в историографии отсутствует указание на участие всех представителей описанных категорий в работе соборов. Более того, вопросы и предложения для Земских соборов готовились заранее царской администрацией [Памятники русского права, Том 3, с. 271], которая, вероятно, проводила и предварительную работу, чтобы сделать решения собора более предсказуемыми (в том числе и определяла его персональный состав).

Политический смысл обоих этих учреждений состоял скорее в легитимации решений власти. Боярская дума, принимая вместе с царем решение, не могла с ним не согласиться – следовательно, такой формат взаимодействия с ней вовлекал аристократию в реализацию принятых царем решений. То же можно сказать и о Земских Соборах – они скорее представляли собой средство достижения согласия с центральной властью. Как правило, они состояли из тех, кто имел идеологическое значение (духовенства), владел обширными землями (бояре), являлся вооруженным военным служащим (служилое сословие) и составлял царскую администрацию. Следовательно, вовлекая их в принятие решений, государь придавал этим решениям дополнительную юридическую силу, легализовывал их, а также обеспечивал их реальное исполнение.

В этом смысле Боярская дума и Земские соборы напоминают модель российского парламентаризма, описанного Н.А. Захаровым применительно к Государственной Думе начала XX века. Он пишет, что смысл такого парламента не в том, чтобы ограничивать власть и диктовать ей условия (как это, например, в Англии), но в том, чтобы во-первых, передавать центральной власти проблемы и запрос «с мест», а во-вторых, транслировать позицию власти через депутатов на места [Захаров, с. 212]. Так и в данном случае, эти узкие

представительные учреждения использовались скорее как средство коммуникации и легитимации решений центральной власти.

Относительно политико-правового смысла опричнины следует отметить следующее. Во-первых, как отмечает Д.Н. Альшиц, несмотря на разделение государства на две части, ни боярская дума, ни Симеон Бекбулатович не решались самостоятельно управлять земщиной. Порядок, заведенный в этой части, наследовал старому: царь собирался с боярской думой и принимал решения относительно большинства вопросов [Альшиц, с. 271].

Важным фактом, который отмечает и В.О. Ключевский, является то, что к завершению опричнины состав боярской думы обновился почти полностью – террор пережили лишь те, кто был лоялен государю [Ключевский]. Это означает, что бороться за авторитет более не представлялось необходимым, поскольку государство делало более управляемым за счет смены людей.

Следует обратить внимание и на то, что все процедуры, связанные с режимом личного террора, стремились к формальному соответствию действующему законодательству. Царь находил причины и доказательства (пускай часто мнимые), выращивал культуру доносительства, чтобы иметь веские основания возбуждать в отношении изменников производство и затем своим приговором лишать их жизни. В этом смысле опричная часть стала своего рода полигоном испытания неограниченной царской власти, которая затем распространилась на всю территорию государства [Альшиц, с. 273].

Таким образом, следует отметить, что в рассматриваемый период центробежные силы делали государя единственным сильным политическим игроком. Порой эту силу требовалось демонстрировать, чтобы обеспечить реальное подчинение элит. Власть государя не была автоматической – даже получив её по наследству, новому государю требовалось доказать право на самостоятельное управление, добиться внутреннего суверенитета.

Историки сходятся во мнении, что несмотря на негативные краски опричнины Ивана Грозного, она являлась средством ускорения процессов централизации и установления предельно самодержавного строя. Если в начале

века аристократия играла значительную роль в государственной жизни и даже претендовала на самостоятельную власть, к концу века она была почти полностью заменена на верных людей, готовых следовать планам государя.

В рассматриваемый период времени политическое (в широком смысле) было гораздо важнее правового. Именно поэтому государь стремился утвердить собственную власть всеми возможными способами, порой игнорируя право или прибегая к крайним мерам. Тем не менее, такой подход к государственному управлению позволил приблизиться к суверенитету в современном его понимании: на исходе XVI века царь стал лицом, которое наделено правом последнего неизменяемого решения. Именно царь определял правопорядок, устанавливал нормы и создавал право. Но царь же имел право приостановить действие этого правопорядка, в корне изменить его или демонтировать.

В этой связи самодержавная власть должна рассматриваться как выходящая за рамки правовых предписаний, исключенная из правового поля, поскольку стоит над ним и определяет его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей работы был рассмотрен генезис феномена «самодержавие» в России в период с XV по XVI века. Были рассмотрены аутентичные источники (публицистические, правовые, религиозные), действовавшие в указанный период источники права, а также юридическая, политическая, социальная и историческая доктрина относительно развития государственной власти в России.

По итогам анализа было установлено, что самодержавие появилось как быстрый ответ на кризис легитимации власти, возникший после окончания Ордынского владычества. Старый механизм легитимации предполагал получение ярлыка на великое княжение от суверена – ордынского хана. После стояния на р. Угра, когда монгольское владычество было преодолено, образовался некий легитимационный вакуум – во-первых, требовалось объяснить, кто именно из рода Рюриковичей является верховным правителем, и почему. Во-вторых, требовалось быстро сформулировать такую концепцию власти, которая была одновременно конструктивной и противоречащей общему мнению насчет монгольского владычества.

Тем не менее, феномен «самодержавие» учитывал психологические особенности россиян, их стремление к сильной государственной власти, которое в том числе связано с религиозными доктринами.

Были выявлены ключевые способы легитимации самодержавной власти: конструирование политических мифов, апелляция к авторитетам (в частности, к Византийскому), использование религиозных доктрин, достижение внутриэлитного консенсуса, а также метод силы. Каждый из них использовался в разное время. Так, политические мифы окутывали статус государя, придавали ему богоизбранный характер и подчеркивали связь с Византией. Это был и шаг в сторону апелляции к авторитету: было принципиально важно проследить род государя от императоров, а то и от первых римских императоров. Религиозные доктрины являлись важным подспорьем в деле легитимации власти, поскольку

церковь обладала потрясающей способностью влиять на умы подданных. Попытки сконструировать консенсус можно проследить в период Избранной Рады – однако они не увенчались успехом и были быстро отвергнуты. Наконец, крайним проявлением силы являлась опричнина, которая, хотя и имеет негативную моральную оценку, являлась важным шагом к консолидации всей власти в руках царя.

В этом месте наблюдается существенный разрыв между государственной идеологией и массовым сознанием. Большинство изученных памятников являются письменными, то есть адресованы грамотным россиянам, которых в это время было лишь небольшое число. Главным транслятором идеологии в массовое правосознание была церковь, имевшая сеть приходов и живой, образный язык, объясняющий в том числе и феномен «самодержавие».

В процессе развития российского государства выделились устойчивые характеристики самодержавного правления, которые будут проявляться в последующих периодах. К ним можно отнести теологический характер – то есть тесную связь с религиозными доктринами и обоснование власти через Бога; высокий моральный долг государя, предельную суверенность власти, граничащую с тиранией, а также органическое соответствие запросу населения.

Вопрос легализации собственной власти для московского государя не являлся актуальным. Право воспринимается как продукт деятельности высшей власти, средство управления и разрешения конфликтов. Правовые предписания практически не распространяются на сами действия государственной власти, а попытки установить такое регулирование обычно проваливаются. При этом государь самостоятельно определяет вопросы, касающиеся управления. В том числе он может устранять или видоизменять порядок престолонаследия – как это сделали Иван III (венчавший сына в качестве соправителя) и Иван Грозный (то отказывавшийся от престола, то снова на него возвращавшийся). В этом смысле самодержавная власть является внеправовой, надправовой и правогенерирующей.

Наконец, в рассмотренный период царь являлся ключевым актором системы государственной власти. Он один, будучи наделен правом создавать, приостанавливать и отменять правовые акты, сосредоточил в своих руках всю полноту власти, и в том числе церковной (соборы XVI века избирали митрополитами тех, кто был угоден царю). Распространенный миф о значительной роли боярской думы или Земских соборов не был подтвержден: боярская дума в опричное время была почти полностью заменена на лояльных царю людей, а Земские Соборы, как правило, использовались для легитимации трудных решений и состояли не из представителей всех земель, но из представителей сословий, отобранных царем и его администрацией. Между тем, важный акцент состоит в том, что при всей авторитарности правления, царь никогда не управлял в одиночку: у него были советники и администрация.

Возвращаясь к тезису о теологическом характере власти, следует также отметить, что сама идея государственной власти в России неразрывно связана с положениями православия. В этом смысле, если следовать логике Карла Шмитта, который считал, что любые государственно-правовые термины являются секуляризованными положениями религиозной доктрины, перед нами открывается вопрос о развитии собственной, отечественной политической теологии, описывающей специфику российской государственно-правовой ментальности.

Таким образом, самодержавие в России – это государственно-правовой феномен, имеющий глубокие ментальные основания и долгую практику реализации. Монархический идеал, нашедший предельное отражение в самодержавии – это особый сквозной социокультурный мотив, отражающий психологический запрос российского общества и глубоко укорененный в правосознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1.1. Действующие нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. №237 (первоначальный текст);

2. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. №27 (часть II). Ст. 5351;

3. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. №46. Ст. 7977;

1.2. Нормативные правовые акты, утратившие силу:

1. Судебник 1497 года // Памятники русского права / под редакцией Л.В. Черепенина. Том 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – С. 346–374;

2. Судебник 1550 года // Памятники русского права / под редакцией Л.В. Черепенина. Том 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII век. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – С. 231–261;

3. Стоглав 1550 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (дата обращения: 01.09.2022 г.)

1.3. Иные официальные источники:

1. Обращение Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 01.05.2023 г.);

2. Выступление Президента Российской Федерации на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

2. Памятники правовой и общественной мысли

1. Пересветов И.С. Сказание о Магмете-салтане. / Все народы едино суть. – М.: Молодая гвардия, 1987. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Peresvetov/Magmet_saltan/text.htm (дата обращения: 01.05.2023 г.);

2. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Памятники русского права. В 35 т. / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. Том 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Книга I – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 186–261;

3. Послание на Угрю Вассиана Рыло // Памятники русского права. В 35 т. / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. Том 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Книга I – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 356–364;

4. Послания старца псковского Елезарова монастыря Филофея // Памятники русского права. В 35 т. / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф.

Р.Л. Хачатурова. Том 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Книга I – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 390–399.

3. Научная литература

3.1. Научная литература XIX – начала XX веков

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права (первое изд. 1907 г.). М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 800 с.;
2. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. – Новочеркасск: Электро-Типография Ф. Туникова, 1912. – 324 с.;
3. Клочков М.В. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1550 гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Клочковым. – Харьков: издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915 // URL: <https://www.prlib.ru/item/372573> (дата обращения: 14.01.2022 г.);
4. Ключевский В.О. История государства Российского в одном томе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-karamzin/polnaya-istoriya-gosudarstva-rossiyskogo-v-odnom-tome-20648295/> (дата обращения: 01.05.2023 г.);
5. Лешков В.Н. Русский народ и государство (первое издание 1858 г.). – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 688 с.;
6. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1910. – 669 с.;
7. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность (первое издание 1908 г.). М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.;
8. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. (первое издание 1922 г.) – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с..

3.2. Научная литература на иностранном языке

1. Feldbrugge F. A history of Russian law: from ancient times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649. – Leiden, Boston: Brill, 2017. – 1117 p.;
2. Keenan E.L. The Kurbskii-Grozny Apocrypha: The Seventeenth Century Genesis of the Correspondence, Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge: Harvard University Press, 1971. – 244 p.;
3. Vinnichenko O., Marocjkin S., Racheva S. Internal and External Law of Medieval Russia: A Look from The Current West // Russian Law Journal. 2014. Volume 2. №3. P. 141–150;
4. The Structure of Russian History. Interpretive Essays / Edited by Michael Cherniavsky. New York: Random House, 1970. – 444 p.

3.3. Современная научная литература

1. Антонов М.В. Рецензия на монографию Feldbrugge F. A History of Russian Law. From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649 // Труды Института государства и права РАН. 2014. Том 14. №3. С. 217–229;
2. Арансон, Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 304 с.;
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новое издательство, 2013. – 496 с.;
4. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Ленинград: Наука, 1988. – 241 с.;
5. Баранов П.П. Проблема соотношения морали, права и самодержавия в политико-правовой мысли России XV-XVI веков // Северо-кавказский юридический вестник. 2011. №4. С. 19–27;

6. Библиотека литературы Древней Руси в 20 томах / под редакцией Д.С. Лихачёва и др. Том 7: Вторая половина XV века. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 581 с.
7. Библиотека литературы Древней Руси в 20 томах / под редакцией Д.С. Лихачёва и др. Том 9: Конец XV-первая половина XVI века. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 566 с.
8. Библиотека литературы Древней Руси в 20 томах / под редакцией Д.С. Лихачёва и др. Том 10: XVI век. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 617 с.;
9. Винниченко О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития: учебное пособие, 2-е изд. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. – 172с.;
10. Винниченко О.Ю. Цивилизационный подход в юридических исследованиях: к постановке проблемы // Актуальные проблемы права России и стран СНГ. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Челябинск: ООО «Абрис-принт», 2015. – С. 23-27;
11. Грачев Н.И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // Russian Journal of legal studies. 2015. №4 (5). С. 43–50;
12. Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореферат дисс. ... д-ра юридич. наук: 12.00.01 / В.А. Затонский. Саратов. 2008. 61 С.;
13. Захватова А.В. Феномен русского самодержавия: история и современность // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул. – 2012. – С. 52–56;
14. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 С.
15. Корневский А.В. Ревнителю и потаковники: пять веков русского спора о власти // Новое прошлое / The New Past. 2022. №2. С 8–28;

16. Лановой В.Г. Цивилизационный подход к типологии государств в отечественной политико-правовой доктрине XIX-начала XX вв.: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Г. Лановой. – Белгород. – 2018. – 22 С.;
17. Лахман Р. Государства и власть. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 352 с.;
18. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореферат дисс. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Ф. Медушевская. – Москва. – 2010. – 56 С.;
19. Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3-х томах / составитель И.Н. Данилевский. Том 3: Московская Русь. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 720 с.;
20. Памятники российского права. В 35 т. / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. Том 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Книга I – М.: Юрлитинформ, 2013. – 344 с.
21. Памятники русского права / под редакцией Л.В. Черепенина. Том 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – 530 с.;
22. Памятники русского права / под редакцией Л.В. Черепенина. Том 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII век. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 633 с.;
23. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. – М.: Проспект, 2021. – 448 С.;
24. Сафронова Е.В., Шайрян Г.П. Правовой феномен российского самодержавия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т.7 (73) №3. Ч. 2. – С. 240–252;
25. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: АСТ, 2001. – 480 с.;
26. Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. №4. С. 152–162;

27. Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. Д.А. Пашенцева, А.А. Дорской. – М.: Саратов: Саратовский источник, 2022. – 171 с.

28. Честнов И.Л. Постклассическая социокультурная антропология права как направление в современной юриспруденции // Вопросы правоведения. 2014. №4. С. 55–69;

29. Щелкин А.Г. Российская цивилизация предполагает дискуссию о российской цивилизации // Телескоп. 2011. №1 (85). С. 39–42;

30. Янов А.Л. Россия и Европа. 1462–1921. В трех книгах. Книга первая: Европейское столетие России. 1480–1560. – М.: Новый Хронограф, 2022. – 640 с.;

31. Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / под ред. К.А. Соловьева. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 824 с.